

ОБАЯНИЕ ТАЙНЫ
ПРОЗА АРТУРО ПЕРЕСА-РЕВЕРТЕ

Артуро
Перес
Реверте

КОРАБЛИ
НА СУШЕ НЕ ЖИВУТ

Москва
2016

УДК 821.134.2-312.4
ББК 84(4Исп)-44
П27

Arturo Pérez-Reverte

LOS BARCOS SE PIERDEN EN TIERRA

Copyright © 2011, Arturo Pérez-Reverte

Перевод с испанского *Александра Богдановского*

Художественное оформление *Андрея Саукова*

Иллюстрация на обложке *И. Хивренко*

Фото автора © Photo by Victoria Iglesias, 2013

Перес-Реверте, Артуро.

П27 Корабли на суше не живут / Артуро Перес-Реверте ; [пер. с исп. А. Богдановского]. – Москва : Издательство «Э», 2016. – 384 с. – (Обаяние тайны. Проза Артуро Переса-Реверте и Ильдефонсо Фальконеса).

ISBN 978-5-699-84459-3

Артуро Перес-Реверте доверил бумаге опыт, страдания и сомнения тех, кто рискнул бросить вызов стихии, чтобы ощутить холодное дыхание ветра и ярость хлещущих волн.

«Корабли на суше не живут» – блестящий сборник рассказов о благородных пиратах, отчаянных героях и дерзких юношах, отправившихся навстречу опасному путешествию. О радости, что дарит искателям приключений море, и гордости за флотилии, победившие в неравной борьбе со стихией. О людях, для которых твердая земля никогда не станет родной. И о героях, которые, как и их корабли, на суше не живут!

УДК 821.134.2-312.4
ББК 84(4Исп)-44

© Богдановский А., перевод
на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-84459-3

*Пако Санчесу Фариньясу
за осуществившиеся моря,
а также Хесусу Бельмару*

1994

ПАКО-МОРЕХОД

Он не знает, кто такой Джозеф Конрад, и провалиться ему на этом самом месте, если его это хоть немного интересует. Служил в торговом флоте, а еще раньше — горнистом на крейсере «Адмирал Сервэра», то есть во времена, когда команды подавались сигналами горна, иными словами — когда наш генералиссимус еще ходил в капралах. Не так давно бросил курить, а потому немного огрузнел, но сохраняет прежнюю статью и осанку, хотя ему уже за семьдесят. Выдубленное солнцем и ветром лицо, густые седые кудри, голубые глаза. Еще десять лет назад иностранки, которых он катал по акватории картахенского порта, млели, когда в уютном кольце его рук им дозволялось взяться за штурвал. Очень такой мужественный был мужчина.

По утрам можно видеть, как этот честный морской наемник, подкрепившись в какой-нибудь портовой забегаловке, ждет клиентов в своей старой, сто раз крашенной лодке, носящей его собственное имя, оно же имя его отца, — а клиентов нет. Помимо тех турист-гуристок — тьфу ты, наоборот, — которых Мореход, подсаживая на борт, хлопает по заду, он доставляет родственников новобранцев на церемонию принятия присяги, а на суда, бросившие якоря на рейде

Эскомбрераса, — экипажи танкеров и американских матросов с разбитыми в припортовых притонах Молинете мордами (перепившие янки травят с подветренного борта), а кроме того, в штормовую погоду возит лоцманов. Он со своей посудиною видел все: и как не на шутку расходится море, когда осерчает Господь, и долгое, красное средиземноморское предвечерье, когда вода — как зеркало, и душу твою осеняет вселенский мир, и самого себя ощущаешь крошечной капелькой в вечном море.

Пако собирается на покой, но сейчас вместе с товарищами по веслу и парусу ведет путаную тяжбу с портовыми властями (а власти на то ведь и власти, чтобы ждать от них пакостей и напастей), намеревающимися перенести причал от внутренней гавани, где испокон века швартовали свои лодки, баркасы и катера и нынешние моряки, и отцы их, и деды, куда-то в другое место. Несколько дней назад я выпивал с ними и хоть, как чаще всего это бывает, не вполне уразумел, у кого больше законных прав, однако сердцем и инстинктом принял сторону Пако и его коллег — людей, у которых руки жесткие и мозолистые, лица покрыты шрамами и морщинами, а глаза обожжены солью, людей искренних, достойных и твердых. Так что на юридические основания я, честно говоря, положил. Напиши что-нибудь, сказали они мне, проникшись доверием. Я дал слово, обменяв его на несколько стаканов, и вот теперь слово это держу, хоть разрази меня гром, если понимаю, что́ должен защищать и отстаивать.

Так или иначе, ему, Пако-Мореходу, я обязан этой страницей. Рядом с ним за почти тридцать лет я набрался чертовой уймы сведений о людях, о море и о жизни. Однажды во время шторма, серого и убийственного

шторма из тех, что время от времени налетают откуда ни возьмись на *Mare Nostrum* — наше с Пако море, — я сидел на маяке Сан-Педро с ним и с несколькими женщинами в черном и смотрел, как прыгают на пятиметровых волнах маленькие беспомощные рыбацьи лодки, пытаюсь найти укрытие у волнореза. Мы издали следили, как эти крошечные утлые скорлупки снуют меж громадами валов в хлопьях пены, едва-едва, на пределе своих слабосильных моторов подвигаясь вперед. Одной лодки недосчитались, а когда погибает рыбак, это значит, что с ним вместе сгнули в пучине сын, муж, брат, зять, деверь. И потому женщины в трауре и дети молча вглядывались в даль, пытаюсь определить, кого именно не хватает. И сидевший рядом Мореход с окурком в углу рта покосился на них и, стараясь, чтобы вышло не напоказ, почти смущенно стянул с головы шапку. Из уважения к их горю.

Другое мое воспоминание о Пако связано с Кладбищем Безымянных Кораблей. Однажды он отвез меня на своем катерке к тому месту, где старые корабли, совершившие свой последний переход, лишенные имени и флага, разрезают на куски и продают как металлолом. Там, где в разоре и запустении громоздились ржавые листы обшивки, части надстроек, навсегда погасшие трубы и, словно мертвые киты, выброшенные на берег, высились остовы судов, Пако дал мне первую в жизни сигарету и поднес огоньку от латунной зажигалки, пахнувшей сгоревшим фитилем. Потом закурил сам и, сощурился, с печалью оглядел мертвые корабли.

— Куда лучше потонуть в открытом море, — покачивая головой, сказал он чуть погодя. — Дай бог, чтоб нас с тобой, малец, не сдали в утиль.

ЧУДО-ОСТРОВ

Было это недели три назад, в одно из тех воскресений, когда средиземноморские прибрежные воды заполняются судами, а эфир (9-й канал УКВ) — разноголосым моряцким гомоном и щебетом, по накалу чувств не уступающим какому-нибудь трогательному сериалу: «Говорит яхта "Марипили", прием... только что обогнули мыс Нао... Мариано, как насчет Ибицы... остров Пердигера прошу на связь... зарезервируйте мне столик на четверых... остался без горючего, мэйдей, мэйдей¹... терплю бедствие... прошу помощи... теща и детишки травят с наветренного борта... судовая аптечка не справляется...»

Так вот, говорю, было одно из таких воскресений — и задувал восточный *левантинец*, и сколько-то там корабликов искали приют у некоего островка. А на островке том располагалась какая-то база, и полдесятка совершенно ошалевших от скуки матросов рассматривали в бинокли купальщиц с яхт. Нет, ты глянь-ка на ту, в лилово-розовом бикини. А та и вовсе загорает топлесс. Эх, что за гадская жизнь... Сидишь тут, родину защищаешь и потому вдуть можешь только Клаудии Шиффер — и то раньше, чем ефрейтор ее обслужит и вернет журнальчик «Интервью»... Опротивела мне эта Клаудия Шиффер, а служить еще восемь месяцев. Занавес.

¹ *Mayday* — международный сигнал бедствия в радиотелефонной (голосовой) связи, аналогичный сигналу SOS в радиотелеграфной связи. Фраза представляет собой приблизительную английскую транскрипцию французского *m'aidez* — сокращенный вариант фразы *venez m'aider* («помогите мне»). — *Здесь и далее прим. переводчика.*

Но к делу. А дело в том, что вот одно из таких воскресений, и вот один из таких островков, и вот одно из таких суденышек, маленькая яхта, имея на борту толстую даму, ее благоверного и трех-четырёх детишек, подобралась слишком близко к берегу. Все семейство нежится на палубе, и тут происходит нежданное явление серой моторной лодки типа «зодиак», а на ней двое: один в морской форме, а второй в рубашке-поло и в бермудах. Чин его определить, стало быть, невозможно, но если судить по седине и по тому, с какими властными ухватками он лично отдает приказы экипажу яхточки, — где-то от капитана первого ранга и выше. Самое малое. Уверенность мою подкрепляет и то обстоятельство, что у самого берега стоит на якоре другая и явно принадлежащая ему яхта, а пассажиры ее вольготно раскинулись на пляже. А право греть пузо на песочке и полоскаться в воде, которые принадлежат военно-морским силам Испании, даруется лишь тем, у кого на обшлагах много золота.

Ну, короче. Этот, который в бермудах, разевает хлебало по адресу загорающего экипажа яхтенки и требует, чтобы они убрались отсюда сию же минуту. А дабы окончательно уяснили, кому принадлежат, а кому не принадлежат эти райские кущи, совершает чрезвычайно мужественный и воинственный маневр, задирая нос своего «зодиака» и проносясь в туче брызг и пены мимо всех тех — нас то есть, — кто с большего или меньшего расстояния наблюдает за этой сценой. После чего с лихим разворотом уносится наслаждаться жизнью на своем личном острове.

Ну, что мне вам сказать? Может быть, подобное происшествие и не заслуживало столь детального описания. Но этот вот финальный ревуший аккорд, этот прощальный фортель, которым хмырь в бермудах позволил нам

полюбоваться забесплатно, в буквальном смысле слова пустив по ветру восемьсот тыщ литров казенного бензина для того лишь, чтобы продемонстрировать свою власть, — все это достало меня до самого нутра. И бесконечно жаль, что на яхтенке не оказалось людей поновористей или погорластей тех, кто поспешил исполнить категорическое требование. Давайте в таком случае вообразим себе возможный диалог. Приказываю уматывать отсюда живо. А ты кто такой, чтоб нам приказывать. Я — коммодор¹ Мартинес де Ухо-и-Рыло. Вот бы не подумал, что коммодоры ходят в таком виде. Требую уважения к военно-морскому флоту. А где тут военно-морской флот, скажи на милость, я вижу всего лишь какого-то хмыря в рубашонке «лакоста» и штанцах до колен. Ну и так далее, в том же роде.

Вышеподписавшемуся кажется, что было бы очень уместно запретить яхтсменам загаживать пустыми жестянками и прочим мусором акваторию и острова, вверенные попечению военно-морского флота. Также мне совершенно безразлично, будут ли скитальцы морей, или сухопутные крысы, или какие угодно представители вооруженных сил пользоваться определенными привилегиями — в воскресенье, например, возить все семейство в конноспортивный клуб или на пляж, предназначенный лишь для командного и начальствующего состава. В обмен на это мы вправе потребовать, чтобы в случае войны они дали изрубить себя в мелкие кусочки и не вздумали увильнуть от этой славной доли. Потому что военные и существуют, чтобы защищать тех, кто платит им жалованье, чтобы выкрасить каску в голубой цвет,

¹ Коммодор — воинское звание в ряде иностранных ВМС, предшествующее званию контр-адмирала.

помогая бедолагам в Боснии, чтобы охранять испанских макреле- или тунцеловов — пусть они такие же хищники и грабители, как английские или французские рыбаки, но это, как ни крути, свои, *наши* браконьеры — или чтобы сморгнуть слезу, когда в результате ставшего уже привычным мошенничества спускается наш флаг над Сеутой или Мелильей. Так что по мне — если уж пришла охота купаться, пусть себе купаются, где их душе угодно. Не в купании дело, а в том, что в наши суровые времена я предпочитаю, чтобы флотское фанфаронство обходилось нам подешевле. Такие вот, знаете ли, бывают странные вкусы. Да, и, пожалуйста, устраивая представление, не забывайте представляться, сообщая свое имя, фамилию, должность и звание. И быть по такому случаю при штанах.

1995

ДРАКОН И ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА

Одна из тех тихих средиземноморских ночей, когда земли не видать, за кормой, поплескивая, фосфоресцирует вода и темный контур мачты с медленно покачивающимися парусами четко выделяется на фоне неба, покрытого мириадами звезд. В такую ночь невольно пожалеешь, что не куришь, потому что так сладко было бы затянуться сигаретой, прислонясь к комингсу у штурвала, — впереди еще три часа вахты, слабо мерцающая стрелка компаса показывает на восток-юго-восток, а вдалеке видны огни сухогруза, который, как и предупреждал недавно радар, пересекал твой путь, а теперь наконец разминулся с тобой, избавив от угрозы столкновения и оставив море, небо, звезды тебе в единоличное пользование.

Одна из тех ночей, когда пять суток, которые ты себялюбиво влачишь по палубе, словно растягиваются на все двадцать, когда все оставленное на суше отодвигается в такую даль, что теряет всякое значение, а ты вдруг с удивлением осознаешь, что уж лет сто как не слышал радиобрехни, не читал газет, не смотрел телевизор, что тебе никто не вещал про политику, про коррупцию, не говорил «видите ли, в чем дело», а жизнь и без этого течет себе да течет, и не происходит ровным счетом ничего, а ты спрашиваешь, какого ж дьявола так

ошиблось Человечество? Как же так вышло, что мы все угодили — или нас загнали — в этот злодолбучий капкан, и кем была та сволочь, которая первой на этом нажилась?

Стоит такая вот ночь, и ты спускаешься сварить себе кофе. А потом, держа обеими руками горячую металлическую кружку, возвращаешься в рубку и, прихлебывая, глядишь на корму и видишь над палубой Большую Медведицу и машинально прочерчиваешь воображаемую линию от Мерака к Дубхе и тогда наверху отыщешь Малую Медведицу и Полярную звезду, неизменную на протяжении тысячелетий. И ты готов поверить в бога, когда глядишь на свет этих созвездий, которые чуть заметно вращаются там, в необозримой вышине, под темным и сияющим сводом, раскинутым над медленно покачивающейся мачтой и светлым пятном паруса. Бетельгейзе блестит на плече у гиганта Ориона, а он преследует Тельца. Еще различимы на западе Волосы Вероники, и Альтаир сверкает в созвездии Орла, в это время года летящем вверх. Если напряжешь зрение, разглядишь рядом с ними и Лебедя, что движется направо, покуда внизу проплывает маленький красивый Дельфин. А между двух Медведиц расположился Дракон, которому пять тысяч лет назад, когда Полярная звезда была в нем, поклонялись древние египтяне. Цикл его обращения — 25 800 лет, так что через 22 800 он снова будет обозначать географический Север.

И вот так, стоя на вахте и поглядывая на это невозмутимое небо, которое, судя по всему, посмеивается над очень-очень многим из того, что простерлось внизу, припомнишь вдруг, что свет пролетает 300 000 километров в секунду и что Альтаир, например, на который ты смотришь сейчас, испустил этот свет шестнадцать лет назад,